
Лариса Николаевна
Чухина

Находка — восход фондового рынка

Счастливым случаем

На работу в депозитарий я попала совершенно случайно. До 1992 года я работала в вычислительном центре Приморского морского пароходства. Весной меня пригласили в Находкинский городской фонд имущества, который только что создан. Работа новая, творческая — только начиналась приватизация. Никто ничего не знал, но все верили в экономическое чудо. И в этом процессе Приморье было в первых рядах, как и восход солнца, приватизация началась с нас.

Вообще Находка — уникальное место. Это крупнейший торговый и транспортный центр на российском Дальнем Востоке: здесь действовали сразу четыре порта, крупнейшее в стране пароходство, два судоремонтных завода, база тралового флота... Для реализации этого богатого потенциала в Находке тогда создали первую российскую свободную экономическую зону (СЭЗ). Произошло это сразу после визита в 1989 году Бориса Ельцина, тогда еще председателя Верховного Совета Российской Федерации, в Находку. Решение было утверждено Верховным Советом России.

После этого темпы политических и экономических преобразований в СЭЗ стали заметно опережать аналогичные процессы в других регионах России. Они оказались просто фантастическими по сравнению даже с такими передовыми в отношении приватизации регионами, как Средний Урал, Санкт-Петербург и Пермь. Приватизация ключевых объектов экономики СЭЗ была проведена уже в сентябре, к ноябрю здесь уже было приватизировано около 70% от общего числа назначенных к приватизации предприятий.

За рекордно короткие сроки были приватизированы все предприятия города, не без нашего участия.

Среди причин столь быстрого и беспрецедентного роста дальневосточного фондового рынка эксперты выделяют либеральную политику местных властей, прежде всего — административного комитета СЭЗ «Находка» (председатель административного комитета — Игорь Устинов, финансовый директор Валентин Завадников), создавшего благоприятные условия для привлечения иностранных инвестиций в регион и способствовавшего быстрому развитию транспортной, телекоммуникационной и финансовой инфраструктуры в регионе. Последнее оказалось наибо-

лее существенным: в Находке был создан крупнейший на тот момент электронный депозитарий, в основу разработки которого была положена технология учета акций РИНАКО. В начале 1993 года в находкинском депозитарии учитывается около 30 выпусков акций местных приватизированных предприятий.

Л. Н. Чухина

1988–1992

Программист вычислительного центра Приморского морского пароходства.

1992

Начальник отдела Фонда имущества города Находка

1992–1997

Начальник регистрационного отдела, заместитель управляющего Находкинско-го финансового акционерного общества

1997–2001

Генеральный директор Дальневосточного реестра.

Государственная программа приватизации была утверждена в окончательной редакции в августе прошлого года, а уже в сентябре массовая волна перехода находкинских предприятий в частную собственность охватила ключевые объекты экономики СЭЗ, прежде всего морские порты и транспортные предприятия (пароходства). Темпы приватизации в Находке были настолько стремительными, а процедура так юридически грамотно составлена, что московские ведомства просто не успевали держать ее под контролем.

Результатом опережающей приватизации в Находке стало то, что на сегодняшний день бумаги находкинских предприятий составляют основу приморского фондового рынка, обеспечивая более 80% общего объема ценных бумаг, обращающихся на Владивостокской международной фондовой бирже.

Сергей Аспин. Находка — свободная экономическая зона // Коммерсантъ (Москва). — 19.07.1993

Это было горячее и очень интересное время. С широкими возможностями для творчества — ведь никакой устоявшейся технологии еще не было. Оказавшись вовлеченной в этот процесс, я активно искала любой появившийся в этой области опыт, участвовала в проводимых семинарах. К тому времени РИНАКО уже зарегистрировал и разместил первый выпуск своих акций. Сразу после этого Виктор Агроскин и Анатолий Левенчук провели в Находке презентацию своей первой депозитарной технологии. Толя приезжал со своей командой, они рассказывали о том, что такое ценные бумаги, как они учитываются. Меня в тот момент как раз пригласили на работу в фонд имущества, необходимо было сопровождать процесс прохождения приватизации, составлять акты ее проведения по каждому предприятию. Составлять реестр акций, отмечая какой уставной капитал с каким количеством акций выпускается, по какому номиналу они распространяются. Все это приходилось обучаться на ходу! Первоначально эмитентом от имени государства выступал комитет имущества, потом он передавал акции в фонд имущества, который уже

и осуществлял размещение. Такая была утвержденная процедура. Однако после осознания сложности этого процесса, было принято решение создать единый институт, который бы осуществлял все операции с ценными бумагами.

В октябре 1992 года учреждается Находкинское финансовое акционерное общество, в основной капитал которого и РИНАКО внес долю в виде своих технологий. Это была, в частности, уже написанная в РИНАКО депозитарная программа. Кстати, о регистраторах тогда еще не говорили. То, что они необходимы, стало понятно только через некоторое время. А тогда функция регистратора была включена в депозитарную программу.

В Находке сегодня функционирует самый крупный в стране электронный депозитарий (созданный по хорошо прижившейся в регионе технологии РИНАКО), а недельный оборот вторичной торговли акциями приватизированных предприятий в Находке примерно соответствует аналогичному показателю за месяц по пяти крупнейшим городам России.

Сергей Аспин. На Дальнем Востоке начался «фондовый бум» // Коммерсантъ-Daily (Москва). — 03.04.1993

Надо отметить, что в том первом депозитарии, несмотря на то, что программа писалась, насколько я понимаю, «на коленке» были использованы достаточно цивилизованные подходы. Через несколько лет, когда появилось соответствующее законодательство, в котором были прописаны функции регистраторов и депозитариев, технологии, используемые нами, оказались настолько верными, что нам не составило большого труда быстро подстроиться под установленные правила.

Президентом Находкинское финансовое акционерное общества (НФАО) был Геннадий Михайлович Зуев. Общество состояло из двух основных отделов — фондового и регистрационного, первый занимался продажей и покупкой акций, второй, соответственно, регистрацией. Меня назначили начальником регистрационного отдела. В итоге у нас была сконцентрирована полная информация по рынку. Но в таком положении был заложен конфликт интересов. Появились проблемы, связанные с использованием инсайдерской информации. Потом их «разрулило» наше законодательство, отделив регистраторские отделы от фондовых, которые занимались торговлей акциями приватизируемых предприятий. Но в 1992-м году фондовики использовали информацию во всю мощь, заколачивая колоссальные деньги. Причем это была общая для России схема — с начала 90-х все депозитарии в стране были созданы именно по такому принципу. Правда, при использовании общих принципов, конкретные решения даже в соседних городах могли существенно различаться. Так, Находка и Владивосток в процессе создания фондового рынка пошли разными путями. В Находке было учреждено автономное территориальное агентство со всеми правами и обязанностями

ми и с непосредственным подчинением федеральному центру. Мы не подчинялись краевому Владивостоку. В этом была уникальность ситуации. Тесно взаимодействуя с фондовой биржей Владивостока, жили мы параллельно. По крайней мере, до тех пор, пока в Находке не были полностью приватизированы все предприятия.

НФАО имело одну из наиболее разветвленных сетей филиалов на Дальнем Востоке. Компания открыла филиалы во Владивостоке, Хабаровске, Южно-Сахалинске и Петропавловске-Камчатском. К концу 1996 года мы, безусловно, не имели в городе конкурентов и вели реестры 70-ти АО, в том числе, «Находкинский морской торговый порт», «Находкинский рыбный порт», «Восточный порт», «Приморский завод», «Восточные ворота–Приморский завод», «Находкинский жестяно-баночная фабрика», «Находкалес», «Южморрыбфлот», «Нефтепорт», «Дальморгеология», «Восточный торгмортранс», «Торговый порт Посъет», «Находкинский торгмортранс» и др.

Обошли на приватизационном вираже

Государственная программа приватизации в окончательной редакции была утверждена в августе 1992 года, а уже в сентябре состоялся массовый исход находкинских предприятий в частную собственность. Ключевые объекты экономики СЭЗ, прежде всего морские порты и транспортные предприятия (пароходства) успели сменить форму собственности на основании президентского указа. Темпы приватизации в Находке были настолько стремительными, а процедура так юридически грамотно составлена, что московские ведомства просто не успевали держать ее под контролем. Хотя такие попытки предпринимались. Во второй половине сентября в Москве были подписаны распоряжения о фактическом выводе портовых хозяйств из приватизации, однако в Находке все уже было сделано. Причем все необходимые документы по приватизации были оформлены и утверждены без нарушений, в соответствии с действующим в то время законодательством. Здесь, на мой взгляд, безотказно сработала формула: кто владеет информацией, тот владеет миром. В Находке приватизацию предварила целая серия семинаров, на которых директора предприятий быстро поняли, каким образом наиболее оптимально, с соблюдением собственных интересов должны быть приватизированы их предприятия, как сохранить рычаги влияния, задействованные в акционировании.

К ноябрю 1992 уже было приватизировано около 70% от общего числа назначенных к приватизации предприятий. А зимой 1993 года в Находке и Владивостоке стал стремительно формироваться вторичный рынок акций приватизированных предприятий. Местные финансовые брокеры получали тогда сверхприбыли за счет стремительного улучшения конъюнктуры на вторичном рынке. Рыночная стоимость 20-ти крупнейших акционированных предприятий Дальнего Востока быстро выросла более чем в 50 раз. Это было следствием благоприятного политического клима-

та в регионе, сыграло роль и геополитическое положение — российский Дальний Восток тесно связан с динамично развивающимся Тихоокеанским регионом. Вместе с полученными из Москвы налоговыми льготами удалось создать в городе благоприятный инвестиционный климат, позволивший привлечь инвестиции из 29 стран тихоокеанского бассейна. Итогом стало то, что на один рубль, вложенный Россией в развитие зоны, административный комитет СЭЗ «Находка» привлек 76 рублей прямых или связанных иностранных инвестиций.

Однако вскоре разразился постприватизационный скандал. Вице-президент России Александр Руцкой на заседании Верховного Совета 16 апреля 1993 года обвинил администрацию СЭЗ «Находка» в нарушении порядка приватизации государственных предприятий. Еще 5 апреля 1993 года он подписывает распоряжение о направлении в Находку рабочей группы Межведомственной комиссии Совета безопасности России по борьбе с преступностью и коррупцией. А уже через 11 дней, ссылаясь на выводы комиссии, Руцкой делает свое громкое заявление о собранных «12 чемоданах компромата». Курсы акций местных приватизированных предприятий по итогам торгов Владивостокской международной фондовой биржи тогда испытали снижение в несколько раз.

Обвинения Александра Руцкого очевидно нелепы. Слова о продаже Находкинского торгового порта за 10 млн руб. просто не соответствуют действительности: даже уставный капитал порта составляет 220 млн руб., а продавался он, естественно, еще дороже. А если, по мнению вице-президента, криминал в том, что уставный капитал занижен по сравнению с рыночной стоимостью активов, — так ведь уставные капиталы всех приватизируемых объектов в России были точно так же «занижены», поскольку их оценка, в соответствии с принятым законодательством, осуществлялась по условной балансовой, а не по рыночной стоимости.

Сергей Аспин. Портфель инвестора // Коммерсантъ (Москва). — 26.04.1993

Пресса тогда дала подробный анализ проведенных в регионе чековых аукционов. Наиболее активными и крупными инвесторами на них оказывались предприятия в лице их трудовых коллективов и администраций. При этом отмечалось, что администрации предприятий, как правило, участвовали не только в чековых аукционах, на которых реализовались акции их собственных структур. Они активно подавали заявки на покупку пакетов акций предприятий-соседей. В результате после приватизации ключевых объектов находкинской экономики структура владения акциями местных предприятий стала напоминать классическую японскую или южнокорейскую схему, построенную на перекрестном владении акциями крупнейшими корпорациями. Этот феномен, известный в финансовой терминологии как *cross shareholding*, создает чрезвычайно интересную основу для функционирования дальневосточной экономики. В пределах

региональной экономики эта система оказывается весьма живучей: каждый из ее субъектов зависит от преуспевания другого, а гибкие финансовые рычаги воздействия друг на друга позволяют формировать координированную экономическую политику и осуществлять моментальное перераспределение ресурсов в рамках региона.

Не берусь судить, насколько объективно была оценена стоимость портов и некоторых других, наиболее важных объектов города и насколько правильно проводились эти аукционы. Но то, что они были недооценены во много раз, совершенно понятно. Поскольку в приватизации были заинтересованы сами руководители предприятий, им было выгоднее выкупать акции дешевле. Мы находились далеко от центра, а главное, работали в правовом вакууме, тогда просто не было еще и законов о регистрационном бизнесе. Да и другого законодательства, соответствующего новому времени, практически не было. Все действовало на основании Указа Президента Ельцина, а этот документ давал всем участникам этого рынка очень широкие возможности для творчества.

Мы принимали участие в ваучерной приватизации, цены нас у нас были выше, чем в Москве. Поэтому и шли они в Приморье из Москвы, а не наоборот, как обычно тогда происходило. Предприимчивые люди покупали их по 5 рублей, у нас продавали по 7.

Оказалось, что работать на рынке можно и без всяких законов и правил. В то время действовали схемы, известные под названием «пылесос». Крупная зарубежная компания заказывает группе российских брокерских компаний (таких крупных компаний было штук 15) приобрести определенные акции, те в свою очередь делают соответствующие поручения региональным партнерам, скупающим требуемые акции у населения. На каждой стадии цена удваивалась. В результате навстречу уходящим в регионы денежным средствам, словно пылесосом, выкачивались из регионов и шли в Москву акции. Вот такая пирамида.

При этом не все было просто. Рассказывают жуткие истории о том, как регистраторы не давали зарегистрировать приобретенные акции. Требовали для этого невероятное количество документов, устанавливали неудобное время своей работы и подвергали партнеров другим подобным испытаниям. И все это для того чтобы затормозить процесс, и московские «пылесосчики», желающие работать самостоятельно, не могли успеть вывезти акции и, в конце концов, работали через местных коллег.

У нас в регионе было несколько иначе, и мы особых проблем от давления москвичей до конца 1990-х годов не испытывали. На моей памяти, конфликтов в Находке не было. У нас сразу хватало своих скупщиков.

Но и здесь не всегда все шло гладко. В мае 1993 года Указом Президента России главой администрации (губернатором) Приморского края вместо демократа Владимира Кузнецова назначили Евгения Наздратенко. Над фондовым рынком нависла черная туча. Приморские законодатели вместе с администрацией края приняли решение о приостановлении проведения чековых аукционов на территории Приморья. В этих услови-

ях брокеры бойкотировали проведение торгов на Владивостокской международной фондовой бирже, а законодатели решили предложить свою формулу разгосударствления. Они предлагали зарезервировать за органами местной власти контрольные пакеты акций приватизированных предприятий, резко ограничить предложение акций широкой публике, а наиболее приемлемой формой приватизации признать организацию инвестиционных конкурсов. При этом владивостокские законодатели предусмотрели весьма оригинальную схему отбора предприятий для участия в этих конкурсах: местные власти будут самостоятельно определять потенциальных банкротов, затем объявлять о банкротстве этих предприятий и продавать их с молотка на конкурсе инвестиционных программ.

Однако происходили конфликты другого рода. Например, с Приморским морским пароходством. Он разразился в 1997-м году, когда 20% пакет его акций чуть было не ушел из-под контроля руководства предприятия. Тогда наш офис захватили, сотрудников вызывали в милицию для дачи объяснений о том, почему мы приобретенные кем-то акции посмели перерегистрировать. Мы демонстрировали документы, их не признавали правомочными, и нам вменяли «нарушение закона». В результате причина конфликта определилась: в нем не были задействованы московские компании — «захватчики». Руководство акционерного общества, не имея возможности покупать слишком большое количество акций на себя, тихо оформило их на свои дочерние компании. Это было распространенным опытом. Так вот эти «дочки», в какой-то момент посчитали возможным продать эти акции, воспользовавшись наделенным правом подписи всех необходимых для сделки документов. Тем самым, они вступили в конфликт с тем, кто фактически владел этим пакетом акций.

Приморское морское пароходство (ПМП) имеет 41 танкер, а с учетом дочерних компаний — 52. ПМП — одна из немногих производственных компаний, акции которых уже скоро год как уверенно котируются не только на Дальневосточной, но и на московских биржах. Компания ведет строительство флота: 10 танкеров по 28 тыс. т дедвейта общей стоимостью \$230 млн, 12 июля спущен на воду уже второй из них. ПМП активно диверсифицируется, осваивая «берег»...

Директор одного находкинского предприятия рассказал корреспонденту Ъ: «Выкуплены («новой» коммерческой структурой — Ъ) 51% наших акций. Тотальная обработка мозгов коллектива велась на протяжении полугода, шел процесс в какой-то мере шантажа и запугивания. В каком смысле: постоянно котировка акций росла — до 4500 за сторублевую акцию. И втолковывали людям: «Вы эти деньги кладете на депозит в банк, а по акциям никогда такие дивиденды не получите... Если нет, вот-вот мы придем к власти — ваши акции обесценятся, и с работы будем увольнять в первую очередь тех, кто не продал акции».

Андрей Галлиев, Александр Привалов. Инвестиции — Находка // Коммерсантъ (Москва). — 02.08.1994

Чуть позже, когда я уже ушла, был аналогичный конфликт с акциями рыбного порта. Там тоже «дочки» продали почти блокирующий пакет из 20% акций, которые руководство держало в замороженном виде. Вот такие у нас были истории.

Случались и трагические случаи, связанные с нашим делом. Когда я уже уехала из Находки, произошло убийство директора Восточного порта, там было что делить, руководство прибрало себе довольно крупный пакет акций. А акции Восточного и торгового портов активно скупали иностранцы. Но действовали они не напрямую, а через московские компании. По рыбному порту только недавно закончился скандал. Это был очень серьезный конфликт. И мы, как его реестродержатели, и паевой фонд «Пионер Первый», как активный игрок, стали участниками этого процесса. Естественно, был заморожен реестр.

Учиться, работать и вновь учиться

В 1995 году регистраторский бизнес был искусственно отделен от других видов бизнеса на фондовом рынке, чтобы ликвидировать конфликт интересов. Добровольно мы бы на такой шаг не пошли — было не выгодно, но появился соответствующий нормативный акт, и пришлось смириться с необходимостью такого разделения. Фондовый отдел мы преобразовали в контору по покупке и продаже акций, самостоятельным стал и регистраторский бизнес. Я тогда работала в должности заместителя управляющего соответствующей конторы в Находке. В 1996 году появилось требование Федеральной Комиссии по ценным бумагам по укрупнению регистраторов — я занялась проектом объединения находкинского и владивостокского регистраторов (НФАО и владивостокского ЗАО «Реестр»). После чего в конце ноября 1997 возглавила ЗАО «Дальневосточный реестр». И проработала там до 2001 года.

Объединение произошло на паритетных началах — 50% на 50%. Уставный капитал — 1,2 млрд неденоминированных рублей. В результате объединения актив нового регистратора составил более 400 тысяч лицевых счетов акционеров. Крупнейшие эмитенты Приморского края стали нашими клиентами. Вдобавок к нашим реестрам акционеров сразу присоединились 24 реестра, которые вел наш новый партнер «Реестр»: «Дальэнерго», «Приморский ГОК», «Владивостокский торгмортранс», «Информационно-вычислительный центр», «Специализированное автохозяйство», «Приморсантехмонтаж», ПСМО-25, «Уссурийский бальзам», «Владхлеб», «Русская Объединенная Дорожная Компания», «Находкинский судоремонтный завод», «Роснефть-Находканефтепродукт», «Находторг», «Финансовая компания «Диаспора», «Приморрыбпром», «Приморскуголь», «Востоктрансфлот», «Владивосток-Авиа», ЧИФ «Поддержка приватизации», ЧИФ «Пасифик-инвест» и другие.

Вместе с развитием фондового рынка рос и уровень знаний наших сотрудников. На первом этапе они просто выполняли то, что говорило руководство и консультанты. Но постоянные семинары в Москве, проводи-

мые Анатолием Левенчуком, где мы встречались как минимум 2 раза в год, развивали нас, благодаря ним мы познакомились с коллегами. Все это время наше сообщество практически не менялось, в нем были люди из Москвы, Питера, из Сибири и с Волги. Все мы двигались примерно одинаковыми темпами, решали одни и те же проблемы, ставили перед собой одинаковые задачи: увеличение собственного капитала, прибыли, прохождения лицензирования... Очень многое давало общение в созданном в середине 90-х годов ПАРТАДе.

Объединяющим началом в Находке и Владивостоке для нас была Владивостокская международная фондовая биржа, имевшая при себе депозитарий. Возглавлял ее Виктор Сахаров. Это было достаточно тусовочное место. Там собирались все брокеры. Для того чтобы успеть на биржевые торги, которые начинались 9.00, мы выезжали из Находки в 6 утра. Торги шли до 12.00. Активно работали брокеры из 10–20 контор Находки и Владивостока. На сегодняшний день, когда уже произошло перераспределение собственности, в Приморье осталось не более 5 брокерских контор. Крупными портами, другими важными объектами Находки и Владивостока владеют москвичи, и руководству этих компаний нет необходимости проявлять активность на фондовом рынке как таковом и участвовать в купле-продаже акций. Поэтому их просто нет на рынке. Изредка на рынке возникают всплески активности, когда кто-то докупает свои пакеты до контрольных или консолидирует пакеты с целью перепродажи новым собственникам.

Я ушла из этого бизнеса, когда стало совсем скучно. Это произошло в 2001 году — именно тогда активность окончательно спала — все было распродано, размещено и еще раз (иногда и не один раз) перепродано. 9 лет — достаточный срок, чтобы все успеть сделать. К этому времени происходили окончательные продажи, консолидации контрольных пакетов. И, естественно, процесс приватизации приобрел заметную вялость. К нам даже перестали ездить «пылесосчики».

За 5 лет работы первая в Находке фондовая компания стала настоящей школой подготовки специалистов данного профиля. Ее сотрудники получили около полутора десятков квалифицированных аттестатов на право работы с ЦБ. Многие из этих специалистов работают теперь в фондовых отделах различных АО, возглавляют другие фирмы. Сейчас коллектив НФАО насчитывает 8 человек. Все молодые — средний возраст 27 лет. Все они — аттестованные специалисты, энергично воплощающие в жизнь девиз фирмы «Качество и надежность».

Елена Бельцова. Хранителю реестров — 5 лет // Владивосток (Владивосток). — 20.09.1997

Четыре года я проработала во Владивостоке генеральным директором Дальневосточного реестра, а потом уехала в Москву и поменяла сферу деятельности.

Владивостокская компания «Реестр» второй во Владивостоке получила лицензию на осуществление регистраторской деятельности. Теперь эта фирма в течение года имеет официальное право вести реестры акционеров предприятий и регистрировать сделки на рынке ценных бумаг. Генеральный директор ЗАО «Реестр» — Феликс Степанец.

Закрытое акционерное общество «Реестр» образовано 31 июля 1995 года с уставным капиталом 600 миллионов рублей. Крупнейшие акционеры — компания «РЭД», «Приморский центральный депозитарий» и несколько инвестиционных компаний. Исключительный вид деятельности ведение реестров акционеров. Основные клиенты — АО «Дальэнерго», «Приморское морское пароходство», «Уссурийский бальзам», «Владхлеб» и др.

ЗАО «Реестр» — одна из немногих в России и единственная в Приморье компания, образованная за счет слияния с другими, более мелкими регистраторами. В нее на правах акционера вошел «Депозитарий Находка», обслуживавший ранее реестр акционеров АО «ПМП». Теперь «Реестр» работает в единой технологической цепочке с Владивостокской фондовой биржей и Приморским центральным депозитарием. Это позволяет ускорить переоформление прав собственности при купле-продаже акций и дает возможность подключиться к общероссийскому «Депозитарно-расчетному союзу», который возглавляет в Москве экс-президент Владивостокской фондовой биржи Виктор Сахаров.

Сегодня в Приморье действуют уже 5 специализированных регистраторов. Кроме ЗАО «Реестр» право на этот вид деятельности имеют «Находкинское финансовое акционерное общество», филиалы санкт-петербургской компании «Единый регистратор» и московского ОАО «Реестр». Еще одна владивостокская фирма «Дальневосточный специализированный регистратор» также получила соответствующую лицензию, но сейчас занимается ее продлением.

Дмитрий Чернов. На рынке ценных бумаг действует официальный «реестр» // Владивосток (Владивосток). — 31.01.1997

Работая сразу в двух важнейших городах Приморья, я могу оценить разницу в процессах, проходящих в них.

Город Находка (как и Дальневосточный регион в целом), как я уже говорила, бил все рекорды по темпам приватизации, а позже сумел сформировать вполне пристойный, по российским понятиям, вторичный рынок акций: в пору было говорить о находкинском инвестиционном буме.

Мы здесь смогли монополизировать процесс — мы были в нем единственным регистратором, и нашим учредителям, в которую входила и компания РИНАКО, удалось договориться с руководителями всех предприятий, чтобы они работали только с нами. Так что все было сконцентрировано в одном месте.

Владивосток же, как известно, всегда был закрытым городом — в нем очень много военных предприятий, поэтому процессы в нем заметно от-

ставали и приватизация началась позже и проходила не так активно. В город успели прийти московские компании, и когда на приватизацию выставлялось какое-то интересное предприятие, они вытаскивали своих регистраторов из Москвы. Так что во Владивостоке работало много регистраторов. Когда мы объединяли бизнес с Владивостоком, создавая крупного регистратора в Приморье, мы ставили скромную задачу — захватить 30% рынка. Но даже этой задачи нам выполнить не удалось, расширить список обслуживаемых эмитентов не получилось — остались те, кто с нами работал до объединения. Думаю, нам не хватило политической воли и решимости, чтобы подтянуть новых клиентов. Дело в том, что регистраторский бизнес очень сильно политизирован и в то же время основан на большом доверии между партнерами. Когда приходишь к руководителю какого-то предприятия на переговоры, и начинаешь убеждать — какие мы хорошие... Он не обязан верить на слово. Как правило, контрольный пакет акций является его собственностью, и отдать информацию в чужие, непонятно какие руки, даже самые шоколадные — для него большой риск. Поэтому процесс переговоров всегда идет очень сложно, с некоторыми предприятиями работаешь на этом этапе годами. И не всегда приходишь к положительному результату.

Во второй половине 90-х депозитарии и регистраторы стали существовать уже отдельно. И жили по-разному. Доход регистраторов состоял из абонентской платы за хранение реестра и разового гонорара за перерегистрацию сделки. Размер ставок часто зависел от предприятия-эмитента. И определялся исходя из здравого смысла и расчетов хозяина реестра. Иногда не совсем здравого. Однако размеры оплаты очень зависели от размеров предприятия. Конечно, всем хотелось обслуживать большие порты.

Свои депозитарии создавали и банки. В частности, банк «Находка» работал и со своими и с чужими акциями. Меня туда приглашали еще в 1995 году. В банках, являющихся депозитариями-кастодианами, можно было открывать депозитарный счет (в нашем депозитарии банк открывал номинальный счет на какое-то количество акций своего клиента). Номер счета числился за банком, и он уже вел счета своих клиентов, учитывал их акции. Тогда, помню, возникли проблемы с номинальными счетами. Дело в том, что далеко не всегда владельцы счетов были заинтересованы в том, чтобы их активы «светились». И банки, как могли, их прятали. Но раз в год перед собранием акционеров они, согласно закону, обязаны были давать нам расшифровку номинального счета, с указанием реальных владельцев акций. В течение года же — все, что у него творится, знал только банк.

Чем же отличается депозитарий от регистратора? Регистратор работает с эмитентом, ведет реестр его акционеров. Информация, необходимая предприятию для осуществления своих уставных функций, так как каждая акция — это голос на собрании акционеров. Депозитарии же зани-

маются непосредственно с инвесторами, работая с активами своих клиентов. До разделения этих функций в систему был заложен конфликт интересов. У нас, в частности, был громкий скандал, связанный с использованием инсайдерской информации. Мы тоже не считали чем-то зазорным использовать ее в своих коммерческих интересах. Однажды, году в 1993 — 1994-м, наш фондовый отдел, выполняя чей-то заказ, умудрился разослать всем акционерам письма с предложением продать акции. Поступил заказ на энное количество акций. Это и было непосредственное использование инсайдерской информации. Разразился скандал, возмущенный эмитент топал ногами, кричал, что это недопустимо, грозился, что разорвет контракт и завтра же заберет реестр. В свое оправдание могу только сказать, что сделано это было без моего ведома. Как же мы выкручивались! К тому времени мы успели уже приобрести имидж самой надежной компании города, понимали, что в нашем бизнесе абсолютно все строится на доверии. После скандала потребовалось несколько лет для того, чтобы восстановить доверие эмитента. Мы собирались, решали, что же теперь делать. Все понимали, что это был не тот случай, когда простота хуже воровства. Корыстный мотив прослеживался — поэтому «операцию» проводили в обход меня, знали, что я буду против. Письма рассылали рядовым акционерам, которые понятия не имели о рыночной стоимости акций, и предлагали им реальные деньги.

Потом законодательство предусмотрело, как заблокировать возможность извлечения и использования информации в своих частных целях. В самом же начале отсутствие правового поля позволяло пользоваться ею, как кому заблагорассудится. Вплоть до того, что существовал случаи продажи реестров со всеми выходными данными заинтересованным участникам рынка. Теперь это уже происходит значительно реже, хотя до сих пор закона о неправомерном использовании инсайдерской информации нет. Просто сейчас каждый уважающий себя регистратор создает свою систему безопасности. Один раз заберут от тебя реестр, и завтра к тебе не придет ни один эмитент. Понятно, что продажей информации пытаются заниматься какие-то конкретные сотрудники, а страдает от этого имидж всей фирмы.

Были и такие случаи — люди умирают, их акции лежат без движения. Наследники не обращаются, и тогда при желании регистратор может ими распорядиться, то есть продать. Так продолжалось до тех пор, пока у людей не появилось ощущение, что эти не осязаемые на ощупь акции что-то стоят.

Сегодня, оценивая эволюцию, которая произошла в депозитарно-регистраторском деле, могу отметить, что работа моих нынешних коллег резко отличается от моей работы в 90-е годы. Все теперь здесь зарегулировано, эту деятельность сейчас спокойно можно сравнивать и с бухгалтерской работой, когда все документы должны быть четко отслежены и проверены. В наше время она была сферой романтики и творчества. Хорошо же это или плохо — судить не мне.

Торговый капитал пошел

Приморский судоремонтный завод (ПСРЗ) преобразован приватизацией в АО «Приморремрыбфлот». В результате серии операций, негласно проводившихся не менее полугода, контрольный пакет акций завода (находившегося к тому моменту в весьма плачевном состоянии) был скуплен одной коммерческой структурой.

ПСРЗ — одно из семи крупнейших предприятий Находки. В социалистическую эпоху его доля в промышленном производстве города достигала 25%. 5 апреля этого года на заводе прошло собрание акционеров. На нем и выяснилось, что трудовой коллектив сохранил уже не 51%, а только 24,87% акций, а остальные уже перешли к различным инвестиционным фирмам. Контрольный пакет (50,7% акций), как оказалось, принадлежит «Тихоокеанской торгово-промышленной компании».

«Тихоокеанская торгово-промышленная компания» в 1991 году зарегистрирована в СЭЗ «Находка» как российско-нидерландское СП с уставным капиталом 20 млн руб. и \$6 млн. Доля российского капитала — 69%, голландского — 31%. Генеральный директор — Андрей Заварзин. Компания ведет торговлю через сеть представительств и дочерних фирм на территории России. Годовой оборот компании исчисляется, по некоторым данным, миллиардами рублей. В последнее время вкладывает капиталы в различные предприятия, как правило, переживающие спад. Так, компания приобрела лесоперерабатывающее предприятие в Тынде и в настоящее время осуществляет его реконструкцию и переоснащение. В начале июня в редакцию Ъ поступили новые сведения об активной деятельности «Тихоокеанской торгово-промышленной компании» по покупке акций находкинских предприятий.

31 мая 1994 года должно было состояться (забегая вперед, скажем: и состоялось) общее собрание акционеров Находкинского судоремонтного завода (НСРЗ) — еще одного предприятия из находкинской «великолепной семерки», находящегося, правда, в существенно лучшем положении, нежели ПСРЗ. Руководство НСРЗ, озабоченное поступающей к нему информацией (Находка все же город небольшой, хоть и с повышенной плотностью фондовых институтов) о постепенном «отползании» пакета своих акций в не вполне понятном направлении, пригласило — для отслеживания и возможного парирования ситуации — специалистов-фондовиков из московской компании «МинФин».

Москвичи, осмотревшись на месте, пришли к выводу, что в руках у потенциальных оппонентов совета директоров завода около 23% акций. По некоторым признакам выходило, что этим пакетом владеет группа из примерно десяти связанных между собой предприятий. А значит, оппоненты могли непосредственно на собрании получить 25% плюс еще что-то — достаточно, чтобы лишить совет директоров квалифицированного большинства.

Но перед собранием нынешним руководителям завода был преподнесен подарок: меньше чем за час до начала председателю мандатной комис-

сии принесли переданный по факсу документ, носящий название «Реестр акционеров», по которому выходило, что главным акционером НСРЗ (больше 25%) является фирма Андрея Заварзина.

Самому г-ну Заварзину, пришедшему на собрание за пять минут до его начала, от лица мандатной комиссии разъяснили, что свежепоявившийся документ не может считаться реестром: во-первых, не может быть двух реестров — «новый» был снят не на заказанную дату, а во-вторых, второй вариант реестра был недостаточно аккуратен — многие акционеры были поименованы без реквизитов. И Андрея Заварзина не признали представителем структуры, владеющей наибольшим пакетом акций НСРЗ. По крайней мере, до следующего собрания акционеров...

Андрей Галлиев, Александр Привалов.
Инькстиции - Находка Коммерсантъ //
(Москва). — 02.08.1994

